

Формирование этнической модели региона (на материале Среднего Прииртышья)

Среднее Прииртышье – регион «смешанного типа» с точки зрения населения, этнического состава и культуры. Это общее пространство, которое создавалось в несколько этапов. По данным переписи 2002 г. в нем русское население составляет 83,5 %. Также в регионе проживают лица более 120 национальностей, поэтому в границах региона наблюдается этническое, этнокультурное, лингвоэтническое взаимодействие «неславянских» и «славянских» групп населения.

Анализ языкового пространства позволил выделить несколько структурных уровней: топонимический, контактологический (ранний и поздний), русскоязычный.

Источники формирования гидронимии Среднего Прииртышья «нерусского» слоя различны. Это: 1) автохтонные элементы; 2) а) ранние тюркские названия поселений, рек, озер, болот и т. п.; б) поздние тюркские (казахские) названия; в) «перенесенные» названия поволжских (казанских) татар и т. п.

Со временем часть тюркских гидронимов начинает вытесняться, а оставшиеся подвергаются фонетическим изменениям, морфологической модификации, семантической адаптации. Сосуществуют также «двойные» названия: тюркские и русские.

В топонимическом пространстве региона представлен ряд старожильческих и переселенческих названий населенных пунктов. Это: 1) антропотопонимы – консерванты имен и реалий начального периода освоения региона; 2) топонимы – характеристики ландшафта; 3) топонимы религиозного характера; 4) перенесенные названия (так называемые топонимы-дубликаты) и т. п. Отмеченные названия населенных пунктов и природных объектов сосуществуют одновременно в пространстве региона.

Другим результатом лингвоэтнического взаимодействия является вхождение в русскую речь ряда единиц и элементов из контактирующих языков. Так, в «Словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» можно обнаружить такие заимствования из обско-угорских языков, как: *алл́ан* ‘приспособление для ловли птиц’ [1, 17], *кабиту́ха* ‘плетенная из ивы ловушка для рыбы’ [2, 19], *но́рйло* ‘шест, которым под водой проталкивают невод’ [2, 192], *черка́н* ‘ловушка для ловли мелкого зверя’ [3, 305], *чума́шик* ‘сосуд из бересты’ [3, 321] и т. п.

Тюрко-русское взаимодействие имеет отражение в данном Словаре и в его Дополнениях: *абы́з* ‘плакса’, *абы́зить* ‘плакать’ [1, 13], *арба́* ‘длинная телега’ [1, 19], *баши́лк* ‘староста, старшина рыбаков’ [1, 35], *карка́ль* ‘водоплавающая птица из семейства утиных’ [2, 27], *тайгы́* ‘лесная дорога’ [3, 219], *арма́н/урма́н* [1, 19; 3, 218] ‘тайга’, *якче́й* ‘лучше’ [Д, 1, 152] и т. п.

В Словаре представлен ряд заимствований из «славянского» фонда: а) из польского языка (*андара́к* устар. ‘холщовая или шерстяная юбка’ [1, 18], *бзы́кнуть* ‘лягнуть’ [1, 47], *кля́мка* ‘шеюлда’ [2, 41], *хуста́*, *хустка́* ‘платок, косынка’ [3, 282] и т. п.); б) из украинского языка (*гмы́ря* ‘плакса’ [Д, 2, 35], *ды́мка* ‘редкая (грубая) ткань’

[1, 200], *журы́ться* 'стесняться' [1, 214], *ма́цать* 'трогать, хватать грязными руками' [Д, 2, 87], *ха́та, хатка, хату́шка* 'дом' [3, 266–267], *ховать* 'хоронить' [3, 271] и т. п.); в) из белорусского языка (*бура́к*, чаще *буракі́* 'свекла' [1, 76], *дра́ник*, чаще *дра́ники* 'оладьи из тертого картофеля' [1, 190], *кыха́ть* 'кашлять' [2, 88], *га́ва* 'больное место' [Д, 1, 38] (ср. белор. *кульгавы́й* 'хромой') и т. п.). «Проявляются» единицы из регионального полиэтнического фонда в речи жителей г. Омска.

С другой стороны, в границах региона формируется ряд этнолектов (русской речи различных этногрупп). Это связано с тем, что, во-первых, русские были основным этническим партнером для других национальностей и «управляющей» нацией, во-вторых, русский язык был языком официального общения, наконец, родной язык использовался в качестве средства внутрисемейного общения.

С точки зрения существования русского языка в отрыве от основного массива в границах региона можно выделить несколько уровней. Это: 1) старожильческие говоры, формирующиеся с 1594 г. на основе «материнских» европейских говоров северо-востока и Приуралья; 2) переселенческие говоры раннего периода (старосельские), возникающие на северорусской основе со второй половины XVIII в., так как крестьяне, переселяющиеся из уральских и сибирских населенных пунктов, чаще всего были носителями данного типа речи. Переселенческие говоры позднего периода (так называемого первичного типа) формируются до конца первой половины XIX в. за счет речи выходцев из различных губерний России. Хотя они селились отдельно от старожилов, создавая поселки, со временем произошла «интеграция» говоров с разной диалектной основой» [Харламова, 2007, 135], что привело к созданию одного типа речи. Это подтверждает тезис о том, что омские говоры имеют монодиалектную основу – севернорусскую [см., например: Баранникова, 1975; и др.]; 3) поздние переселенческие говоры (вторичного типа), которые начинают создаваться с конца XIX – начала XX вв.; 4) новосельские говоры, складывающиеся с 20-х гг. XX в. В настоящее время в границах региона до сих сохраняется противопоставление говоров раннего и позднего образования: старожильческие, первопереселенческие → позднепереселенческие и новосельские.

Итак, с одной стороны, произошло расширение православного культурно-исторического ареала за Урал. С другой стороны, «сформировалось общее полиэтничное пространство на русской «основе».

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // *Вопр. языкознания*. 1975. № 2. С. 22–31.

Харламова М. А. Своеобразие фонетических систем новосельских говоров Среднего Прииртышья // *Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления*. Омск, 2007. С. 134–138.